

ГОРОДА И ЛЮДИ

Таллин

Первый голос и третья виолончель

Специалисты считают, что морской воздух весьма полезен для развития вокальных данных. Солоист Государственного академического театра оперы и балета «Эстония» народный артист СССР Тийт Куузик склонен верить специалистам, но в еще большей степени — собственному опыту. Долгие годы он живет в пригороде Таллина, на самом берегу бухты. В его «морском» домике мы и встретились. Какая главная деталь в рабочем кабинете певца? Разумеется, пианино. Инструмент был открыт. На пюпитре стоял клавиш оперы Эугена Каппа «Рембрандт». Сбоку к пианино прислонилась виолончель. В этой творческой обстановке начался наш разговор об искусстве.

— Как произошла ваша встреча с музыкой, товарищ Тийт?

— Все началось с нее, — показал он на виолончель, — а точнее, со скрипки. Отец мой, столляр из Пярну, однажды получил необычный для себя за-

каз — починить разбитую скрипку. Своими золотыми руками он практически смастерил новый инструмент. Заодно отец решил приобщить к музыке сына, то есть меня. Определил в школьный симфонический оркестр. Но вскоре учитель сказал мне: «У тебя для скрипки слишком большие руки. Не лучше ли тебе заняться на виолончели?..» Тогда отец сделал виолончель.

— Эту самую?

— Нет, это третий его инструмент. А на первом я играл недолго, потому что учитель предложил новую идею: «Не лучше ли тебе попробовать петь?» Я попробовал. И вскоре поехал в Вену, чтобы попытать счастья на конкурсе вокалистов. Прихватил с собой виолончель. И не зря: за участие в конкурсе нужно было заплатить налог — пришлось продать инструмент. Неожиданно для всех и для себя взял первую премию. Пригласили в Венскую народную

оперу. Первой партией на сцене был Эскамильо в «Кармен». «Торжественно, смелее в бой!» И я ринулся в бой за место под солнцем искусства. В 1940 году Эстония стала советской. На крыльях неся я в Таллин.

— Что же было потом?

— Война и оккупация. Об этом лучше не вспоминать.

— В таком случае что вспоминается из первых послевоенных лет?

— О, многое. Любимый ученик — Георг Отс. Прекрасный певец. Это очень тяжело, когда родители теряют детей, а учителя — учеников. Еще вспоминается встреча с гениальной оперой Мусоргского «Борис Годунов». Вот тогда я всерьез занялся русским языком. Бориса нельзя исполнять не на русском. Именно после этой партии, в 1952 году, мне было присуждено звание народного артиста СССР. Примерно в те же годы отец смастерил еще одну виолон-

чель. На ней играл мой сын, окончивший впоследствии консерваторию. Но он тоже стал певцом.

— Если вернуться к «Борису», что вас привлекает в этой партии?

— Возможности не только вокальные. Великая школа актерской игры. Кстати, недавно эта опера пошла на сцене «Эстонии» в новой редакции, которая представляется мне более усложненной. Я охотно уступил роль Бориса великоллепному певцу Большого театра Евгению Нестеренко.

— Приходилось ли вам встречаться с мастерами оперных театров страны?

— Конечно. С удовольствием вспоминаю совместные выступления с Павлом Лисицианом, Ириной Архиповой (с ней мы регулярно встречаемся и в жюри вокального конкурса имени Глинки), Галиной Олейниченко, Бэлой Руденко, многими другими. Возможность такого обще-

ния — прекрасная школа вокала. Между прочим, я выступал на оперных сценах в столицах всех союзных республик. Совсем недавно творческая бригада «Эстонии» выезжала в столицу Бурятии: только в двух городах страны — Таллине и Улан-Уде — поставлена опера Верди «Аттилла».

— Однако вы забыли рассказать о третьей виолончели...

— Нет, не забыл. Это последняя память об отце — он оставил ее после себя как музыкальное завещание. Но внучка на ней не играет — она увлекается балетом...

Разговор наш оборвался почти на полуслове. Я торопился на московский поезд. А в жестком расписании дня «первого голоса» Эстонии Тийта Куузика значилась репетиция — завтра он исполнял ведущую партию в «Аттилле».

Ст. СЕРГЕЕВ.
(Наш спец. корр.)

Таллин — Москва.